

Вырезка из газеты

МОЛОДОЙ  
КОММУНАР

г. Тула

11 НОЯ 1978

# СТО ЛИЦ Канделаки

Канделаки один, но — в ста лицах—говорят в московских театральных кругах.

На самом же деле лиц у Владимира Аркадьевича не сто, а гораздо больше.

Если видели на сцене Канделаки-певца, а затем вас поразила в необыкновенном джазе игра оркестранта, чьи имя, отчество и фамилия полностью совпадают с именем, отчеством и фамилией певца—не стоит даже гадать, тот ли это Канделаки—можно с уверенностью сказать: тот, а какой же еще?

Зрители знали Канделаки-актера Московского театра имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко, актера трагического и комического, плачущего и смеющегося.

Они восторженно аплодировали руководителю и оркестранту московского джаз-гола (голосового джаза), который голосом своим неподражаемо имитировал звуки валторны и гобоя, кларнета и тубы, литавры и фортепьяно, банджо и скрипки...

Знали Канделаки — музыкального пародиста, солиста оперы, оперетты...

В 1942-м году вся Алмата, затанцвавшая, смотрела на сцене своего театра «Бахчисарайский фонтан»: главную партию танцевала Галина Уланова. Партнером гениальной балерины был не кто иной, как... Владимир Канделаки.

Те же алмаатинцы были свидетелями съемок нового фильма «Парень из нашего города», которые вел там известный режиссер Владимир Канделаки.

В день 50-летия его творческой деятельности в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко состоялся «товарищеский суд». На «скамье подсудимых» — народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР В. А. Канделаки.

— Этот юноша, — зазвучал голос «обвинителя», — повинен в том, что, завладев секретом вечной молодости, скрыл его от коллег и учеников.

— А секрета нет, — ответил Канделаки. — Но мне никто не верит. Но, знаете, что всегда определяло и определяет мой стиль работы? Формула вечного движения! Универсальная. Всеобъемлющая. Двигутся галактики и созвездия. Этим движением живет Вселенная. Почему бы и Человеку, сыну Вселенной, не сверкнуть на ее лоне яркой звездочкой, не прочертить в пространстве свой мгновенный, но радостный путь? А радостным его делает сам Человек.

Вечное, вечное движение... Движение жизни, движение людей, движение идей...

Владимир Аркадьевич так до сих пор и не может решить, кто же он все-таки на самом деле. Кинорежиссер? Оперный певец? Солист балета? Оперетты?

— Все это, — говорит он, — промежуточные стадии вечно-го движения. В молодости — «искал себя». И, казалось бы, нашел в этом самом джаз-голе. Популярность у нас в 30-х годах была необычайная. В ансамбле участвовали Эфрос, Бунчиков, Камеринский, Добролюбов, Художников... В репертуаре — и музыкальные пародии, и джазовые миниатюры, и даже оперная (!) классика. Пели на юбилее у Собинова, чествовали Чкалова и Панинну...

Затем 15 лет я работал в Музыкальном театре. Колоссальную роль в формировании моего творческого «я» сыграло общение с его руководителем — Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Вдохновенно, с огоньком мы вместе ставили «Данси» З. Палиашивили, «Бурю» Т. Хренникова, «Тихий Дон» Д. Дзержинского, «Северный ветер» Л. Книппера.

Наш театр нес зрителю передовое, современное искусство. Мы дружили с такими замечательными композиторами, как Кабалевский, Хренников, Шостакович, Холминов... Московский музыкальный называли лабораторией советской оперы.

— Владимир Аркадьевич, в вашем «активе» — и Тарас из «Семьи Тараса» Кабалевского, и Наполеон из «Войны и мира» Прокофьева, и Олейдорф из оперетты «Нищий студент»... Легко ли вам переходить из жанра в жанр, из амплуа в амплуа, из роли в роль? Не приходилось ли иногда «понаукавать», принуждать себя?

— С радостью констатирую: не приходилось. Если дар актера многогранен, выступая в любом амплуа, ему, прежде всего, надо быть проще и пра-

вдивее. Остальное доскажут талант, интуиция... Главное — не «переиграть», не потерять достоверности образа.

— Вас не пугали и возрастные барьеры...

— Ничуть. Помните «Екатерину Измайлову» Шостаковича? Я играл 70-летнего старика. А было мне тогда... 26!

Для Московского театра оперетты В. А. Канделаки — это целая эпоха: в течение десяти лет Владимир Аркадьевич был здесь главным режиссером. Это ему, во многом ему обязан театр тем, что 50-е годы стали для него «возрождением».

— Владимир Аркадьевич, как вы относитесь к ярко выраженному процессу перерождения оперетты в наши дни?

— Сугубо положительно. Ведь процесс этот — не что иное, как веление времени. Помните — вечное движение? Новые времена, новые жанры. Недавно родился мюзикл. Что ж, мюзикл так мюзикл. Лишь бы был стоящий спектакль, а жанр его — это не самое главное.

Лишь бы — стоящий спектакль. Это и жизненный принцип Канделаки, и критерий его работы, и мечта.

Представ в роли педагога перед молодыми студентами ГИТИСа, Владимир Аркадьевич все чаще слышит вопрос: в чем же все-таки причина того, что все знаменитые 100 лиц Канделаки так не похожи одно на другое? В чем же?

— В боязни шаблона, штампа, рутинности. И бедствий этих творческий человек может избежать. Если только захочет. И—если он действительно — творческий...

Л. МЕЦЛЕР,  
наш корр.